

Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в конце XIX – начале XX века

В последние годы неподдельный интерес исследователей вызывает жизнь и повседневное существование разных групп населения. Свободный доступ к дореволюционным изданиям и расширение возможностей работы с архивными документами привели к росту количества публикаций, посвящённых сюжетам, которым ранее не придавали особого значения, например, размер зарплаты или пенсий, продолжительность и качество жизни разных профессиональных групп и сословий Российской империи. Такие аспекты оказывали, если не решающее, то весьма существенное влияние на исторические события.

В настоящий момент опубликован целый ряд работ, анализирующих материальное положение учителей конца XIX – начала XX в. [5, 13, 19, 26]. К этой же теме обращались исследователи Н.А. Белова [1], О.М. Казакова [20], Н.Н. Черкасова [27], изучающие жизнь и деятельность учителей, проживающих в провинциальных городах Российской империи. Авторы, в подавляющем большинстве случаев, сосредоточили своё внимание на земских школах, расположенных в европейской части России. За пределами таких исследований остаются регионы Сибири и Дальнего Востока, где в силу разных причин не было земств. Газета "Владивосток" (1898 г.) писала: "Забота о народном образовании в нашей стране возложена целиком на земства, а в Сибири и на Дальнем Востоке, где названные учреждения ещё не привиты, общий надзор и ведение этого дела сосредоточилось в руках административных властей" [10, с. 11]. Дальневосточные исследователи С.В. Литвинова [21], О.Б. Лыньша [22], Т.З. Позняк [24], Д.А. Ткаченко [25] и др. хорошо изучили материальное положение городских учителей, не обращаясь к повседневной жизни сельских педагогов.

Эта статья нацелена на описание материального положения учителей, работавших в сельских школах Приморской области в конце XIX – начале XX вв. Чтобы объяснить причины недовольства сельских педагогов качеством своей жизни, необходимо установить размер заработной платы и определить источники дополнительных выплат, проследить порядок выплаты учительского жалования, сравнить размер зарплаты в школах разного типа.

В первые годы заселения и освоения Тихоокеанского побережья России во второй половине XIX в. чиновники хорошо понимали, что "наше укрепление на берегах Тихого океана, проведение рельсового пути, заселение пустынного края стоило и будет стоить нашему государству столько усилий и жертв, что мы должны закрепить все это самым высшим и прочным цементом, какое существует для зданий социальных – цементом просвещения" [13, с. 2]. В условиях ограниченных финансовых, кадровых и иных ресурсов количество низших учебных заведений расширялась медленно. Так, в 1900 г. в крае насчитывалось 118 крестьянских селений, в них функционировало 26 сельских школ [23, с. 13]. К 1909 г. в крае функционировало 155 начальных школ трёх типов: 95 церковно-приходских, 43 министерских и 17 казачьих – в 146 селениях (в крупных сёлах работало по две школы разных ведомств) [18, с. 463]. Подавляющее большинство крестьянских селений ещё только планировали открыть школу. По словам Д.Я. Бондарева, "школы здесь, словно редкие оазисы в непроходимой и непролазной тайге. В России школы редки и бедны, а здесь ещё реже и беднее" [4, с. 302].

Финансов на школьное строительство не хватало, поэтому "все первые школы в сёлах Южно-Уссурийского края строились иждивением местных обществ" [6, с. 4]. Они же обеспечивали оплату труда приглашённого учителя. Зачастую сельских сход нанимал "крестьянскую хату", едва приспособив её под занятия, приглашал "учителя". В этой роли выступали не квалифицированные педагоги (они не соглашались работать за "крестьянские гроши"), а грамотный односельчанин, отставной солдат, "случайный грамотей". Как только оговорили условия оплаты, так и начинались занятия. В таких условиях сельская школа обрекалась на нищенское прозябание. К примеру, "к церковноприходской школе д. Даниловка пригласили учащего – крестьянина М. за вознаграждение 120 рублей и по 1 рублю с ученика – всего 37 учеников; для школы грамоты с. Борисовка – учащий (фельдшер Р.) согласился учить 22-х детей за плату 1 рубль в месяц с ученика" [3, с. 130]. Другой пример, "в д. Благовещенка (в 1909 г.) государственной школы нет, наняли учителя с платой по 1 рублю 30 копеек в месяц с ученика. Учитель отбыл четыре месяца, но затем ему отказали за недостатком средств у общества" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 5. Д. 206–б. Л. 1–1об).

Такие примеры характерны для педагогов, которые получали жалование от сельских обществ. Встречались примеры, когда плату учителю передавали родители учеников по принципу "из рук в руки". Газета "Владивосток" (1890 г.) рассказала о сельской школе, "где училось 9 ребятишек, за каждого родители платили по одному рублю в месяц. По мере того, как убывал ученик – гонорар учителю уменьшался на 1 рубль в месяц. Учитель зароптал и спросил:

– А что, если ученик будет ходить не месяц, а дней пять?

– Ну, что-шь? Значит, по расчёту, как следует, за пять дней и получишь.

– Это около пятиалтынный – то?

– А что-ж, пятиалтынный – не деньги рази по-твоему? Таков взгляд крестьян в некоторых сёлах на учительский труд" [6, с. 5].

Такой порядок выплаты жалования был чреват для учителя остаться в середине учебного года без работы и без средств существования. В этом крылась причина, по которой малокомплектные школы в бедных новосельческих деревнях долго не могли пригласить на работу "хорошего учителя".

Соглашаясь на работу, педагог требовал от сельского общества гарантий аккуратной выплаты жалования и дополнительных (денежных и натуральных) приплат. Однако, если в малоросских крестьянских селениях общества могло оплатить труд учителя продуктами, привычными для потребления (молоко, яйца, хлеб, масло и т.п.), то в корейских селениях учителю приходилось осваивать блюда восточной кухни. Так, "жители корейской деревни Андреевка обязались платить учителю от себя 150 рублей в год и 40 пудов чумизы. Чем богаты, тем и рады. Как учитель распорядился чумизой – неизвестно" [12, с. 8]. Таким образом, в подавляющем большинстве селений в 1880–1890-х гг. порядок и сумма выплат учительского жалования были всецело на усмотрении сельского общества.

По разным источникам, в 1880–1890-е гг. размер среднегодового жалования сельских учителей составлял от 25 рублей разовых пособий до 120–150 рублей (т.е. по 12–15 рублей за каждые 10 месяцев учебного года) [2, с. 89].

Первые точные сведения о среднем размере учительского жалования относятся к 1890–1900-м гг. В эти годы "среднее годовое жалование сельских учителей составлял в среднем 260 рублей, колебания составляли от 180 до 480 рублей (т.е. от 18 до 48 рублей в месяц), но по здешним меркам сумма ничтожна" [14, с. 2]. По самым скромным расчётам, "минимум учительского вознаграждения следует считать сумму в 480–600 рублей в год. Конечно, и этих средств будет хватать в обрез" [17, с. 417].

Учитывая это, 9 января 1902 г. Начальник Южно-Уссурийского округа И. Вологдин сделал сельским обществам следующее предложение: "практика многих лет показала, что учителя, прослужившие много лет, оставляют свои должности, т.к. получаемое ими жалование положительно недостаточно, легко находя себе более обеспеченное материальное положение на другого рода службах. В виду этого, крайне необеспеченного положения учителя предлагаю сельским обществам вверенного мне округа, где существуют школы, ныне

же к отпускаемому казной содержанию добавить учителям до 200 рублей в год. Приговоры предоставить мне в самом непродолжительном времени с таким расчётом, чтобы за январь сего 1902 г. учителя получили бы увеличенное жалованье. За скорое исполнение приди на помощь учителям материально, я останусь обществу благодарен. Надеюсь, что волостные старшины и сельские старосты не оставят этот насущный вопрос без должного внимания и разъясят обществу, что увеличение жалованья учителям далеко важнее, чем прибавка волостным писарям" [Цит. по: 15, с. 6].

Но сельские общества не спешили исполнять предписание начальника, размышляя так: "сперва посмотрим, понравится ли нам учитель или нет", громко сетуя на "бедность", "недород", "недоимки" и т.д. Документы 1880–1890-х гг. подтверждают, что крестьяне-переселенцы, водворившиеся на новом месте, в течение 5–10 лет укрепляли своё хозяйство, поэтому не могли исправно исполнять финансовые обязательства в отношении учителей. Сельские общества обязались ежегодно уплачивать казённые сборы и повинности, а также сборы по самообложению.

Так, по донесению сельского старосты с. Черниговка, "в 1888 г. с черниговских крестьян было взыскано: 5 рублей 82 копейки в год (на содержание общественного правления), 99 копеек в год (на содержание парома через реку Мо-Мельгуновка). Итого: общественных повинностей – 6 рублей 81 копейка с каждого домохозяина. Кроме того, ещё 52 копейки на разные сборы (без учёта на церковное строительство). Итого: взыскивалась повинность по 7 рублей 33 копейки в год с каждого работника" (РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 5. Д. 579. Л. 18об)¹. Бремя повинностей и общественных расходов по самообложению в других волостях доходила до 11 рублей [16, с. 358] или 12 рублей в год [9, с. 10] на каждого домохозяина. Суммы значительные для неокрепших хозяйств.

В первую очередь крестьяне стремились уплатить казённые сборы, а затем выполнить обязательства по самообложению. Газета "Владивосток" (1896 г.) объясняет: "крестьяне боятся казённых долгов, а в этом крае, где человек может неожиданно потерять весь свой скот, где неурожаи часты, иметь на своей шее долг хуже, чем в тюрьме сидеть. Поэтому значительная часть крестьян спешат распродать как можно больше скота и расплатиться с казной. Так на душе становится легче, а в хозяйстве пусто" [8, с. 6–7].

Аккуратность сельских обществ в отношении взятых на себя финансовых обязательств по отношению к государству подтверждает и своевременность выплат взносов срочных платежей в банк. К примеру, "зачастую церковно-школьные ссуды погашались сельскими обществами досрочно (РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 5. Д. 489. Л. 38). Но на выплаты местных сборов у местного населения денег зачастую не хватало. "Здесьние крестьяне, соображаясь с налогоспособностями, неукоснительно, чуть ли не ежегодно вытягивали средства на разные нужды, но на другие, нежели на школьные потребности" [11, с. 8]. Донесения с мест это подтверждают: "казачий посёлок Павло-Фёдоровка выплачивает помощнику учителя жалование за 1902 г. 100 рублей из общественных нужд, но оно выдаётся неисправно, задерживается иногда по 2–3 месяца, за неимением наличных сумм" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 92об–93). В крестьянской деревне Федосеевка "строится здание министерского училища, до 1907 г. содержание учителя обеспечивало общество из своих средств. Их не хватало, поэтому для облегчения расходов исходатайствовали для учителя казённое содержание от Епархиального Училищного Совета" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 5. Д. 206–а. Л. 1–1об).

Таким образом, в 1890–1890-е гг. для крестьян всякая денежная плата представляла "бремя", избавиться от которого представляло предмет особых желаний сельских обществ. Они искали способ передать школу, открытую на их средства, в ведение государства, т.е. на содержание Министерства народного просвещения или Епархиального Училищного Совета. Но государство и церковь не спешили принимать на баланс такие школы, т.к. не располагали достаточными ресурсами. К примеру, епархиальный наблюдатель школ Владивостокской епархии рассчитал, что только в 1901 г. необходимо затратить дополнительно, к уже выделенным суммам "на плату наёмных учителей при-

¹ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

близительно 52000 рублей по такому расчёту: 30 "странствующих" ("кочующих") учителей для 59 малолюдных (до 300 человек) селений – 18000 рублей (по 600 рублей каждому), 32 учителя в малолюдных деревнях (с населением от 300 до 800 человек) – 16000 рублей (по 500 рублей каждому), на наём 36 учителей для деревень с населением от 800 до 1000 человек (по 2 учителя на каждую деревню, по 500 рублей). Всего 52000 рублей" [16, с. 360]. Епархия этими средствами не располагала.

Однако даже передача школы на "казённый счёт" не гарантировала своевременность выплаты зарплат педагогам по разным причинам. Об одной причине сообщила газета "Владивосток" (1896 г.): "смета в сумме 5000 рублей, ассигнованных на содержание школ Приморской области, в текущем году не была отпущена. Учителя остались без жалования, а начальнику Южно-Уссурийского округа оставался только один исход – закрыть все школы в своём районе. Причина долгой задержки школьного аванса заключается в том, что о получении этой суммы ходатайствует духовное ведомство. Администрация края находится в колебании, какому типу школ – общим или церковноприходских – отдать преимущество" [7, с. 3]. Значит, на рубеже XIX–XX вв. служба в школе оплачивалась весьма скромно и нерегулярно, ожидать "учительских грошей" приходилось неделями или месяцами.

В отличие от западных регионов страны, где учителя могли обратиться за получением ссуды или современных пособий в "Общество взаимопомощи" или "Вспомогательную кассу", в тот период времени в Приморской области такие общества отсутствовали. В ситуации полной безнадёжности учителя, не зная дня и часа, когда, наконец, выплатят жалование, обращались к сельским обществам за помощью, испрашивая в долг деньги или продукты. По мнению школьной администрации и самих педагогов, такой способ подрывал авторитет учителя в глазах крестьян. Кредиторами педагогов становились не только сельские общества, но и местные торговцы и лавочники, снабжавшие продуктами, родители учеников, кормившие учителя с "отсрочкой оплаты". Такая ситуация ставила педагога в униженное положение. Встречались упоминания о том, что такие "кредиторы" и "общественники" приходили в класс требовать от учителей возвращения долга.

Безденежье вынуждало многих "сеятелей нивы просвещения" выходить в поле и сеять хлеб. Помимо хлебопашества чиновники призывали сельских учителей заниматься огородничеством, садоводством, ремёслами и промыслами. "В некоторых самых глухих местностях края, богатых зверьём, дичью и рыбой, можно прожить и на скромную сумму, держать домашний скот, собирать грибы и ягоды, охотиться и рыбачить. Но таких местностей в крае немного. Но если в таких местах дешёвые продукты, то значительно дороже всё остальное" [17, с. 415–416]. В отличие от современных педагогов, проживающих в сельской местности, народные учителя дореволюционной России не могли существенно улучшить своё благосостояние сельским хозяйством или промыслами.

Труженики сельских школ 1880–1917 гг. не вели подсобное хозяйство по разным причинам. Во-первых, далеко не каждое учебное заведение имело "школьный надел"; педагоги также не имели своего надела, т.к. каждый клочок земли принадлежал сельскому обществу или частному владельцу, обрабатывать её учитель не мог даже на условиях аренды. Во-вторых, учителя не обладали сельскохозяйственными навыками, одной краткосрочной подготовки на летних сельскохозяйственных курсах было недостаточно. В-третьих, подавляющее большинство педагогов не имело инструментов и рабочего скота для обработки земли. Требовалась ссуда (около 100–200 рублей) на обустройство хозяйственным инвентарём, но тратить такую значительную сумму на подсобное хозяйство учитель не мог, т.к. не имел гарантии, что в следующем году не получит назначение в другую школу. Наконец, педагоги после многочасовых занятий с учениками не имели ни времени, ни сил для работы на земле. Выхода не было. Поэтому "все учителя сельских и деревенских школ Южно-Уссурийского края смотрели на своё положение как на "безвыходное" или "тяжёлое" [15, с. 5–6].

Только в первые годы XX в., когда общественность начала активно обсуждать идеи введения всеобщего обучения, затронули вопрос об улучшении материального положения педагогов. В ходе съездов учителей и на страни-

цах педагогической печати озвучивались предложения изменить размер и порядок выплаты учительского жалования, в соответствии с новым типом организации начального образования. "Поскольку неудобство старого порядка участия сельских обществ в содержании народных учителей сделалось очевидным, надо чтобы: 1) отнюдь учитель получал жалование не через крестьянские общества, а от официальных лиц, причастных близко к делу воспитания; 2) это жалование обязательно проходило какие-либо официальные испытания, хотя бы через канцелярию того же Инспектора Народных Училищ; 3) жалование учителя было установлено помесечно, а не выплачивалось раз в год; 4) жалование не зависело от убыли и прибыли учеников" [6, с. 5]. Эти предложения звучали повсеместно.

Министерство народного просвещения больше не могло игнорировать мнение педагогической общественности. Но, внедряя новый порядок выплат учительской зарплаты, чиновники отказывались от пассивной роли контролёра за сферой народного образования. В период с 1900 по 1909 гг. сотрудники Министерства Народного Просвещения законодательно унифицируют порядок выплаты учительского жалования и дифференцируют зарплату в зависимости от образовательного ценза, в соответствии с принципами введения всеобщего начального обучения. Аналогичные меры будут осуществляться в учебных заведениях, находящихся в ведении других ведомств. Это позволит к 1909–1913 гг. существенно повысить благосостояние учителей всех типов школ, включая и тех, кто работал в сельской глубинке Приморской области. Однако, чтобы выявить пути и средства улучшения материального положения учителей сельских школ Приморской области в первые годы XX в., требуется провести дополнительное исследование и проанализировать новые документы. Эта проблема ещё ждёт своего исследователя.

Литература

1. Белова Н.А. Повседневная жизнь учителей. М.: ИЭА РАН, 2015. 228 с.
2. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 15–31 июля.
3. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 31 августа.
4. Бондарев Д.Я. Далёкая окраина. (Мои воспоминания) // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: материалы научной конференции. Выпуск 3. / Отв. ред. О.Б. Лынша, И.В. Пчела. Уссурийск: изд-во ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), 2013. С. 292–311.
5. Вепринцев Т.А. Материальное положение учителей и врачей в Российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Серия. История. Исторические науки. Тула, 2013. С. 157–167.
6. Владивосток. 1890. 29 июля.
7. Владивосток. 1896. 18 февраля.
8. Владивосток. 1896. 3 марта.
9. Владивосток. 1896. 5 мая.
10. Владивосток. 1898. 28 ноября.
11. Владивосток. 1899. 25 июля.
12. Владивосток. 1899. 8 августа.
13. Владивосток. 1899. 17 октября.
14. Владивосток. 1902. 3 февраля.
15. Владивосток. 1902. 10 февраля.
16. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 1 ноября.
17. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 1 декабря.
18. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 1 октября.
19. Зубков И.В. Российское учительство. Повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916. М.: Хронограф, 2010. 528 с.
20. Казакова О.М. Провинциальное учительство в XIX – начале XX в. Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02: Киров, 2009. 24 с.
21. Литвинова С.В. К вопросу о материальном положении Дальневосточного сельского учителя в 20-е гг. XX в. // VII Дальневосточная конференция молодых историков / Сборник материалов / Ред. М.Б. Сердюк. Владивосток: изд-во ДВГУ, 2002. С.57–60.
22. Лынша О.Б. История образования в Никольске-Уссурийском. 1882–1922 гг.: Монография. Владивосток: ДВФУ. Школа педагогики, 2018. 292 с.
23. Лынша О.Б. Начальные школы на Дальнем Востоке России во второй половине XIX в. – начале XX в. Уссурийск, 2007. 63 с.

24. Позняк Т.З. Преподавательский состав учебных заведений и уровень жизни учителей городов Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы XIV Международной научно-методической конференции. Уссурийск: ДВФУ, 2012. С. 12–18.

25. Ткаченко Д.А. Повседневное положение учителей Южно-Уссурийского края конца XIX – XX вв. // Уссурийские чтения: сборник работ участников IV Уссурийских краеведческих чтений (9–10 октября 2012). Уссурийск, 2013. С. 74–80.

26. Филоненко Т.В., Шипилов А.В. Материальное положение учителей дореволюционной России // Педагогика. 2004. № 7. С. 65–75.

27. Черкасова Н.Н. Повседневная жизнь земских учителей российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02: Курск, 2006. 24 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Belova N.A. Povsednevnyaya zhizn' uchitelej. M.: IENА RAN, 2015. 228 s.
2. Blagoveshhenskie eparkhial'nye vedomosti. 1900. 15–31 iyulya.
3. Blagoveshhenskie eparkhial'nye vedomosti. 1900. 31 avgusta.
4. Bondarev D.YA. Dalyokaya okraina. (Moi vospominaniya) // Problemy istorii obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii: materialy nauchnoj konferentsii. Vypusk 3. / Otv. red. O.B. Lynsha, I.V. Pchela. Ussurijsk: izd-vo DVFU (filial v g. Ussurijske), 2013. S. 292–311.
5. Veprintsev T.A. Material'noe polozhenie uchitelej i vrachej v Rossijskoj provintsii vo vtoroj polovine XIX – nachale KHKH vekov // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Seriya. Istoriya. Istoricheskie nauki. Tula, 2013. S. 157–167.
6. Vladivostok. 1890. 29 iyulya.
7. Vladivostok. 1896. 18 fevralya.
8. Vladivostok. 1896. 3 marta.
9. Vladivostok. 1896. 5 maya.
10. Vladivostok. 1898. 28 noyabrya.
11. Vladivostok. 1899. 25 iyulya.
12. Vladivostok. 1899. 8 avgusta.
13. Vladivostok. 1899. 17 oktyabrya.
14. Vladivostok. 1902. 3 fevralya.
15. Vladivostok. 1902. 10 fevralya.
16. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1907. 1 noyabrya.
17. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1907. 1 dekabrya.
18. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1908. 1 oktyabrya.
19. Zubkov I.V. Rossijskoe uchitel'stvo. Povsednevnyaya zhizn' prepodavatelej zemskikh shkol, gimnazij i real'nykh uchilishh. 1870–1916. M.: KХronograf, 2010. 528 s.
20. Kazakova O.M. Provintsial'noe uchitel'stvo v XIX – nachale XX v. Avtoreferat dis. kand. ist. nauk: 07.00.02: Kirov, 2009. 24 s.
21. Litvinova S.V. K voprosu o material'nom polozhenii Dal'nevostochnogo sel'skogo uchitelya v 20-e gg. XX v. // VII Dal'nevostochnaya konferentsiya molodykh istorikov/ Sbornik materialov/ Red. M.B. Serdyuk. Vladivostok: izd-vo DVGU, 2002. S.57–60.
22. Lynsha O.B. Istoriya obrazovaniya v Nikol'ske-Ussurijskom. 1882–1922 gg.: Monografiya. Vladivostok: DVFU. SHkola pedagogiki, 2018. 292 s.
23. Lynsha O.B. Nachal'nye shkoly na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroj polovine XIX v. – nachale XX v. Ussurijsk, 2007. 63 s.
24. Poznyak T.Z. Prepodavatel'skij sostav uchebnykh zavedenij i uroven' zhizni uchitelej gorodov Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. // Problemy slavyanskoj kultury i tsivilizatsii: materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferentsii. Ussurijsk: DVFU, 2012. S. 12–18.
25. Tkachenko D.A. Povsednevnoe polozhenie uchitelej YUzhno-Ussurijskogo kraja kontsa XIX – XX vv. // Ussurijskie chteniya: sbornik rabot uchastnikov IV Ussurijskikh kraevedcheskikh chtenij (9–10 oktyabrya 2012). Ussurijsk, 2013. S. 74–80.
26. Filonenko T.V., SHipilov A.V. Material'noe polozhenie uchitelej dorevoljutsionnoj Rossii // Pedagogika. 2004. № 7. S. 65–75.
27. CHerkasova N.N. Povsednevnyaya zhizn' zemskikh uchitelej rossijskoj provintsii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. Avtoreferat dis. kand. ist. nauk: 07.00.02: Kursk, 2006. 24 s.

Пчела И.В. Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в конце XIX – начале XX века.

Автор изучил материальное положение учителей, которые работали в сельских школах края в конце XIX – начале XX века. Статья написана на материалах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. В ней описаны источники и размер заработной платы, порядок её получения, сравнивается уровень жизни учителей разных типов школ. В итоге автор приходит к выводу, что уровень и качество жизни учителей оказывали существенное влияние на школьное образование в сельской глубинке Приморья.

Ключевые слова: *материальное положение, заработная плата, учительское жалование, выплаты.*

Pchela I.V. The material position of teachers of rural schools of the Primorsky region in the end XIX – beginning of XX century.

An author studied material position of teachers that worked in rural schools of edge in the end XIX – beginning of the XX century. The article is written on materials of the Russian State Historical Archive of Far East. Sources and wage rate, order of her receipt is described in her, the standard of living of teachers of different types of schools is compared. In the total an author concludes, that a level and quality of life of teachers rendered substantial influence on school education in a rural hinterland of the Primorsky region.

Key words: *financial position, salary, teacher's salary, payments.*

Для цитирования: Пчела И.В. Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в конце XIX – начале XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 55–61. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/55-61

For citation: Pchela I.V. The material position of teachers of rural schools of the Primorsky region in the end XIX - beginning of XX century // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 55–61. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/55-61

